

ТАК и остаются их руки распахнутыми для объятий. Его — большие, сильные, с крупными ладонями рабочего парня и ее — изящные, нежные, разрисовавшие будничную деревенскую хату и свою девчоночью мечту голубыми оленями. Он и не танцует, а скорее хочет поймать Аленку, свое счастье, свою синюю птицу. А она, тоненько напевая «Амурские волны», тоже боится прикоснуться к нему, увлекая стеснительно и кокетливо вспыхнувшую вдруг в недобрый час любовь. Потом счастливая, светлая ночь в крошечной тьме войны и торпливое, даже лихорадочное (надо успеть за своими, в

русского моряка, другие, не раздумывая, отдавали ему... руку и сердце. Но если руку Павел Морозенко готов был без раздумья протянуть товарищу, то сердце его уже было отдано Аннушке, соученице по институту, жене, а потом и матери его Андрюшки. И тут Павел Морозенко не походит на родившуюся невесту откуда легенду «о жизни артистов».

Верность — фамильная черта Морозенко. Верность теат-

живых о погибших, как личная память Павла Морозенко о тех, кто не пришел с войны.

В семью Пелагеи Николаевны и Семена Степановича Морозенко не пришли с войны Иван, Дмитрий... Из одиннадцати детей донецкого шахтера Семена Морозенко в живых остались четверо: старший сын Александр и младший Павел, да две дочки Нина и Надя. Остальных сразила война, если не пулей, то голодом, недоеданием, хворобой, тяжким су-

Мастера искусств

ществованием на чужбине. Может быть поэтому так щемяще грустно смотрит на свое счастье Аленку Кравцов — Морозенко, может быть в этот момент воскрешаются в нем его братья Иван, Дмитрий, недолюбившие, не узнавшие счастья... Может быть глаза его Мастакова в горьковских «Чудаках» так светятся верой и любовью потому, что стоят перед писателем Мастаковым — артистом Морозенко матери, которые и сейчас еще ждут своих сыновей, его мать, маленькая, неприметная, тихая и добрая, как земля, Пелагея Николаевна. «Мать! О ней мало говорят... Позорно мало! Матери Гете — не понять. А ведь каждая женщина — мать — почти символ... Я буду много писать о матерях...». Как вдохновенно в Мастакове — Морозенко это пробуждение писателя, этот гимн человека истиннику жизни — матери.

И я уже понимаю, несколько больше, чем тогда, на премьере «Чудаков», что Морозенко к Мастакову и зрителям идет не только от Горького и своего режиссера Оглоблина, а и от себя. «Актёр, как бы он ни был одарен, не может отойти от себя», — сказал в одном из интервью прекрасный советский режиссер-новатор Юозас Милйтисис. И как здорово, если артисту есть что сказать зрительному залу от себя, если это «от себя» живет в нем и помогает сердцу актера забиться вместе с сердцами зрителей. Морозенко есть что сказать людям.

Сколько раз его сердце билось вместе с сердцами зрителей, сколько раз он был своим среди тех, представителей которых воспроизводил в кино или на театральной сцене.

— Работает как проклятый над тем, чтобы все, что

происходит на сцене, съемочной площадке было правдой, по сути ради нескольких минут, а порой даже секунд, когда зал вдруг затихает, перестав кашлять, шмыгать носом, шуршать конфетными обертками. Тогда зал и ты — на одной волне. Тогда ты, артист, властвуешь над людьми, — рассказывает Павел Семенович. — Такое бывает не каждый день. Но когда оно бывает — это счастье. И когда вслед себе слышишь: «Вон Шворкин пошел...», чувство это необыкновенно радостно. Значит, ты настолько правдив в роли, настолько сжился со сценическим образом, что люди приняли тебя за своего. Ты для них уже не только артист Морозенко, а Шворкин, Марченко, Лешка... Словом, их кровь и плоть...

— А часто вас принимают за своего?

— Очень. Во время съемок фильма «Знакомьтесь, Балуев» смешной случай был. Играл я там сварщика экстракласса Марченко. Режиссер Виктор Григорьевич Комиссаржевский спрашивает: «На сварочном аппарате работать можешь? Нет? Учиться будешь...». Учился. Работал на заводе как сварщик. Присматривался, присматривался ко мне заводской бригадир, а потом обратился с вопросом: «Сколько ты в театре зарабатываешь?». Ответил... «Э-э, — протянул бригадир разочарованно, — Переходи к нам... у нас бригада коммунистического труда. И тебе, и нам будет хорошо...».

Но как ни хорошо было Павлу Морозенко среди рабочих ребят, своей капризной, подчас мучительно тяжелой, артистической фортуны он изменить не в силах. В Киевском академическом театре имени Франко, как это говорят в актерских кругах, на нем уже «держался репертуар». Норвежский витязь Гаральд в «Ярославе Мудром» Кочерги и писатель Иван Барыльченко в «Житейском море» Карпенко-Карого, Нил в «Мещанах» Горького и Парис в «Кассандре» Леси Украинки... Сколько ролей — столько жизней прожито, столько режиссеров, несмотря на разные почерки, манеры, стили, во взгляде на артиста Морозенко объединились: «Этот сможет, не подведет, добьется».

И вот уже пришел успех, прочный, заслуженный, не тот быстрый, а посему и не очень надежный, после «Романа и Франческа», а постепенный и трудный успех, в театре, который вырабатывает не только свой уверенный почерк, но и свою тему в искусстве. Тема эта у артиста Морозенко проста и вечна: нести людям свет, добро, чтобы стали они теплее друг к другу, чтобы больше было благожелательных глаз, светлых улыбок.

Вот уже в родном шахтерском городке Снежное, вместе с другими его замечательными уроженцами, с гордостью называют имя артиста театра и кино Павла Семеновича Морозенко, вот и звание заслуженного артиста республики, новые приглашения киностудий и вдруг, как снег на голову — Морозенко уезжает из Киева в... Николаев. Без всяких конфликтов, когда так хорошо идут дела бросить академический театр?! Уехать в провинцию?! Потерять в зарплате?! Во имя чего?! — досадовали товарищи Павла Семеновича и его киевские поклонники.

Во имя чего? Этот вопрос интересует и меня. Павел Семенович чутьчку задумывается. Во взгляде внимательных глаз светится твердость, а в голосе угадывается характер.

— Во имя того, чтобы повысить квалификацию, приобрести более высокое умение, профессионализм. Понимаете, одной искренности на сцене мало, как мало одного правдоподобия. Нужна полная свобода от штампов, а для этого — субъективная концепция, мысль, вдумчивый и усиленный тренаж. Эти драгоценности дарит мне, как и моим товарищам, мой режиссер Владимир Николаевич Оглоблин. Он мой режиссер не только потому, что мне импонирует его режиссерский почерк, с Владимиром Николаевичем я начинал учиться ходить по сцене...

И снова сверкнула фамильная черта Морозенко — верность. Павел Семенович рассказывает, как они вместе с режиссером докапываются до истоков идеи пьесы, задумки драматурга, каждой фразы, самой, казалось бы, незначительной, реплики, как расчлениют на мельчайшие частички образ, чтобы потом выросла на сцене во весь свой непоколебимый рост правда характера. Не натуралистичная правденка, а большая правда, которая остается с человеком.

— Понимаете... Опыт в нашем деле несколько иное, чем в других профессиях. С каждой новой ролью начинаешь все сначала, все по-другому. Артист всю жизнь — студент. Ему нужен педагог, учитель. Конечно, нелегко было расставаться с Киевом. Наталья Михайловна Ужвий, узнав о моем решении, сокрушалась: «Кому же я теперь в глаза буду смотреть. Ты же сын мой...». Я всегда ее сыновей играл... Много таких дорогих глаз осталось в Киеве.

Хочется еще о многом спросить Павла Семеновича. Но я уже второй день мучаю его вопросами. Через час спектакль, а после поезд. Его ждут на киностудии. И вот уже он там на сцене... Вот он входит стремительно и твердо в наполненный разными людьми и страстями дом Морозовых в спектакле «До новых журавлей», конструктор, ученый, рабочий человек Виктор — Морозенко и все в этом суматошном доме расставляет по своим местам.

Вот он говорит словами своего умного и сильного героя, своими словами: «...Актёр к концу жизни ничего не имеет... Ни изданных книг, ни построенных мостов, ни зданий. Все, что когда-то рождалось на сцене, все в то же мгновение погибало. Это только кажется, что актер самое почётное, самое высокое звание в театре... Он — вечный раб. Он вынужден играть, когда теряет близких. Когда хочется плакать, ему приходится смеяться... Аллодуруйте на спектаклях!», — обращается Виктор Морозов — Павел Морозенко к одной из героинь пьесы.

...Аплодирую создателям спектакля, артисту Павлу Семеновичу Морозенко, который, ничего не беря взамен, дарит это поистине чудное мгновение.

А. ВИНОГРАДОВА.

На снимке: П. С. Морозенко.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНИЕ

бой) «Люблю. Жди. Кравцов». Аленка ждет Кравцова, а я исполнителя его роли Павла Семеновича Морозенко. Он входит в грим-уборную в солдатской гимнастерке, словно продыmlенной взрывами, снимает тяжелую, всамделишную каску и смотрит на меня отсутствующе. Он еще там, на сцене... Резкий, какой-то обнажающий свет гримерной, строгие военные мундиры вперемешку с мирностью белых рубашек и галстуков, Морозенко и Кравцов, слитые в одном человеке. Я как-будто прикасаюсь к таинству. Неловко начинать деловой разговор. И не клеится он поначалу.

— ...Как начинал? Удачно начинал. У Гната Петровича Юры проходил первую школу в театре. Он был учитель строгий, хозяин рачительный. Работали до седьмого пота. До профессиональной сцены снялся в кино...

Действительно, не в пример ставшей уже своего рода притчей театральной легенде о вдруг заболевшем премьере и невесте откуда вынырнувшем юном даровании, Павел Морозенко начинал совсем наоборот. Не томился годами в ролях «кушать подано», не ждал, когда хворь уложит в постель маститого коллегу. Утро, когда Павел Морозенко «проснулся знаменитым», пришло к нему на третьем курсе Киевского театрального института. Романтически-идиллический фильм «Роман и Франческа» обошел все экраны мира. Синеглазый, обаятельный и скромный советский моряк Роман — Павел Морозенко так понравился зрителям, особенно зрительницам, что вместе со сладким вкусом успеха Морозенко уже тогда явственно ощутил и отнюдь не такой уж приятный привкус популярности. Павел тогда получил чемодан писем (он и сейчас хранится в семье Морозенко). Писали юные, и не совсем, англичанки и польки, японки и негритянки и, конечно же, наши милые, советские девушки и парни. Одни хотели походить на Романа, чистого, мужественного, верного в любви

ру. Верность человеку. Вот так, из составных складывается та великая верность долгу, Родине, которая жила в юном обаятельном Романа, а потом в других кино- и сценических образах артиста. И совсем не только типаж, внешняя, «подходящая», стали причиной многих и разных режиссерских выборов, а суть гражданина Павла Морозенко, которая всегда выражается в Павле Морозенко-артисте.

— ...Какие роли любимые? Как вам сказать, ведь роли, как дети... Нелюбимых нет. Другое дело, что, как и дети, роли бывают менее и более удачными. На мой взгляд, моей удачной, этапной, что-ли была роль Алексея в «Оптимистической трагедии» Вишневого. Ставил этот спектакль в театре Франко Варпаховский. Я тогда совсем зеленым был. Спрашивает он меня: «На гармошке играешь? Нет, — говорю. А он: Плохо, учиться надо». Думаю, ругая себя: конечно, давно надо было научиться. Только к чему он об этом?». Оказывается, Леонид Викторович выбрал меня на роль Алексея. Это был большой сюрприз. Алексей у всех признанных исполнителей во всех театрах был лихим, но уже умудренным жизнью, хоть и не укрепившимся вначале в своем политическом выборе. Алексею у Вишневого — 40, может быть чуть больше... Мне тогда было 22... — рассказывает Морозенко.

Последнюю фразу Павел Семенович произносит снова отрешенно. Глаза его снова смотрят отсутствующе. Он опять не с нами. Он там, на сцене, а если точнее — в том, разбитом войной мире, где тоскует по Кравцову, а это значит по счастью, по любви, Аленка, не согласившаяся на маленькие счастья. И снова я жду. А он стоит сейчас на сцене как изваянный в мраморе, девятнадцатилетний русский солдат Кравцов — артист Морозенко. И это, как память